

Очень немного осталось тех, кто с ним встречался, беседовал, вместе работал. Одна из них — Анастасия Ивановна Цветаева, которой уже, да продлятся ее дни, 99-й год. Она переписывалась с Горьким, ездила к нему в Сорренто, потом рассказала об этом в своих «Воспоминаниях».

Как талисман, я храню ее записку, переданную мне при моем отъезде из Коктебеля. В таком возрасте она сочла нужным извиниться за то, что не смогла принять участия в моих провах. А в конце по старинному обыкновению стояли слова: «Храни Вас Бог в пути!» И каждый раз, перечитывая записку, я ощущаю: здесь русский дух...

Она начинает так: «Максим Горький! Это лицо знаешь с детства. Оно было — в тумане младенческих восприятий — неким первым впечатлением о какой-то новой и чудной, — о которой шумели взрослые, — жизни. Оно мне встает вместе с занавесом Художественного театра, с птицами Дикая утка и Чайка... Глядят вот эти глаза светло, широко, молодо, дерзко под упрямым лбом с назад зачесанными волосами... Где-то рядом стоят в памяти молодое лицо Скитальца, темная шевелюра Андреева, седая борода Толстого, ибеновские очки. Но это лицо родней... Вот еще один из тех, из богатырей моего детства, — Шалпин!.. Они чем-то похожи. У обоих — дерзкие глаза. И все-таки Горький роднее...» В моем отношении к замечательной Анастасии Ивановне, несомненно, сыграло роль и то, что и как она написала о Горьком.

...Отчетливо помню такую же атмосферу влюбленности, царившую в 1948 году, когда отмечали 80-летие писателя. Разумеется, юбилей не прошел мимо Литературного института, носящего его имя, где я был тогда второкурником. Был объявлен поэтический конкурс.

Вспоминается стихотворение моего однокурсника Владимира Солоухина, который как бы дал емкий и сильный поэтический вариант знаменитого горьковского рассказа «Рождение человека». Помните? («Это было в 92-м, голодном году, между Сухомом и Очемчирами, на берегу реки Кодор, недалеко от моря — сквозь веселый шум светлых вод горной речки ясно слышен глухой плеск морских волн...») А В. Солоухин писал:

Где только что, босы и слабы, Голодные люди прошли, Худая орловская баба Рожала в дорожной пыли. А волны морские хлестали, О мокрый песок шелеста, И принял прохожий скиталец У бабы живое дитя...

Конечно, не все строки были поэтически безупречны, но, право, это вполне простительно, ибо автору, как, впрочем, и «прохожему скитальцу», было тогда всего 24 года. Но уж никак нельзя усомниться в искренности любви поэта к Горькому и веры в то, что, да, в мире «светло и просто».

Думаю, многие представленные стихотворения были написаны талантливо, однако первую премию (конкурс проводился анонимно — под девизами) жюри присудило Солоухину. Почему? Может быть, по той причине, что герой его стихотворения в этот прекрасный и яростный мир только пришел, и в те дни, когда страна поднималась из военной разрухи и пепла, герой Горького и Солоухина с большей полнотой выражал наши чувства и чаяния.

Ах, как давно это было!.. А вот статья в нынешнем «Огоньке», тоже посвященная Горькому. «Государство хотело владеть и мозгом Буревестника революции. И тогда прямо на даче, на стоявшем в спальне столе, врачи стали вскрывать труп, и мозг Горького бросили в ведро. И его нес к машине Петр Крючков — доверенное лицо Ягоды. Мозг Горького по приказанию Сталина направили в Институт мозга. Государство, построенное на тотальном контроле, хотело владеть не только гением живых, но и секретом гениальности мертвых»...

И тут мне был голос, кажется, старухи Изергиль:

— Господи, что это? Кто написал такое?

— Костилов, — ответил я.

— Хвостиков? — старуха давно туга на ухо.

— Нет, Костилов. Тот самый, Вячеслав. В недавнем прошлом — первое перо «Огонька», ныне —

на площадях Берлина? Нет, прав был Горький, когда говорил, что расстояние от хулигана до фашиста короче воробьиного носа.

Или вот в трех номерах «Московской правды» статья Льва Колодного «Двуглавый Буревестник», упоминательная от заголовка до конца. Что бы Горький ни сделал, ко всему у автора есть зацепка, ото все — с души у него воротит. Так, в начальную послеоктябрьскую пору писатель редактирует газету «Новая жизнь», где печатает знаменитый цикл своих статей «Несвоевременные мысли», в которых бесстрашно и яростно протестует против беззаконий, расправ, кровопролитий. Казалось бы, благороднейшее дело! Нет, Л. Колодный думает иначе: «Возникает вопрос, как совмещалась эта позиция Горького с членством в партии?» Ведь это же вопиющее нарушение партийной дисциплины, а Устав — превыше всего. И члена партии с сорокалетним стажем приводит в негодование недисциплинированный писатель. Мы его понимаем. Но можно се-

Горький. Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи...»

Но до чего, однако, люди колдого склада похожи друг на друга по своей мелочности и тугодумству! Вот и Д. Волкогонов пишет о Ленине: никакой у него квалификации — за станком не стоял, за плугом не ходил. И опять же сбрасывает со счета хотя бы то, что Ленин писал статьи и книги, которые не залеживались и которые еще вчера генерал-философ называл великими и гениальными.

А какова их собственная-то квалификация, господа! Ведь фразу построить не умеют, слово повернуть как надо не способны, не чувствуют, как оно пахнет. Взгляните только: «Горький долго плавал в глубинах социального моря... «Он принимал активное участие в исторических событиях... «К Горькому стремятся деятели культуры... «Он перевозит в дом на углу Воздвиженки и Моховой. Отсюда (!) они с М. Ф. Андреевой ходят в театр... «Пришлось высискывать средства, чтобы съезд закончился (?)»... «Поднялась (?) лавина

● Не думали, не гадали запечатленные фотографом классики, что когда-нибудь их именами будут названы... два МХАТа — такие яркие и непохожие друг на друга. Фото из архива «Правды».

Максим Горький и другие

К 125-летию со дня рождения

пресс-секретарь президента. Теперь он неумоимо, доблестно сражается против Константина Злобина, пресс-секретаря Председателя Верховного Совета.

— Пусть сражается, — сказал вещей голос. — Но что за чушь в этой статье! Что за люта демагогия! Да, в 1928 году, сразу как родился Волкогонов, у нас был создан Институт мозга, где, в частности, занимались исследованием мозга выдающихся людей. Это же в интересах науки, всего человечества. Подобные институты, лаборатории есть и в других странах. Но при чем здесь «ведро», «бросили», «тотальный контроль» над живыми и мертвыми? Ведь таким «контролем» — «Что там у покойника было на сердце?» — можно объявить любое вскрытие трупа, а оно обязательно по закону.

— Видимо, — робко предположил я, — пресс-секретарь тревожится, что Институт мозга в надлежащее время проявит интерес к содержанию черепных коробок авторов «Огонька». Или опасается, что с головой его шефа в свое время поступят, как в романе Александра Белыева обошлись с головой профессора Дуэля: приватизируют и станут нещадно эксплуатировать.

— Напрасные тревоги! — и голос умолк.

Статья В. Костилова начинается с того же рассказа «Рождение человека», им и заканчивается. Заметим, что, несмотря на свою принадлежность к элитарно-революционному верхам и куликовские победы над К. Злобиным, писатель не оказался в первых рядах горьковских потрошителей, а плетется сзади.

Газеты сообщают: в одной библиотеке Челябинска изъяли все книги Горького и бросили в костер. Кто они? Духовные братья тех, кто жег книги в 1933 году

представить, что написал бы он, если Горький в ту пору молчал бы...

Успокойм старого большевика, в те дни писатель уже не состоял в партии. Но в противоположность, скажем, А. Собчаку или М. Полторанину он вышел из нее, когда она шла к власти, а не когда потеряла власть. Есть же разница между Соколом и Ужом.

Столь же глубоко Л. Колодный возмущен «стремлением биографов приписать Горькому пролетарское происхождение». Он не отрицает, что будущий писатель в десять лет остался круглым сиротой, служил «мальчиком» при магазине, посудником на пароходе, грузчиком, пекарем, сторожем, но — «дед-то, оказывается, по социальному происхождению не солдат, а офицер, разжалованный в солдаты за жестокость к нижним чинам». Следовательно, с благородным рабочим происхождением никак не получается. И какой же он после этого пролетарский писатель? К тому же «Где был Горький, когда брали Зимний? В Москве!» Узнаете, дорогие читатели, эту манеру?

Да, да. «У станка не стоял, в пролетарском котле не варился, квалификации не заимел ни в одном деле». О «квалификации» же Горького легко привести много всяких отзывов самых громких имен, самых блестящих перьев мировой литературы, но мы уж продолжим цветаевский сюжет. В 1933 году в Париже Марине Ивановне предстояло «сидеть на эстраде» по случаю присуждения Бунина Нобелевской премии. Отлично понимая, что «премия — это политика», она писала накануне: «Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунина; и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее —

казней»... «Произошла нормальная (!) эмиграция»... Это Колодный. Еще красивше пишет Волкогонов.

И тут мне был голос. Кажется, Егора Булычева:

— А Костилов?

— А Костилов пишет: «Горький будто бы нарочно позаботился о том, чтобы оставить «показание истории» против самого себя».

— Какой уголовный ход мысли! Это какие же показания?

— Очень много! Например, одобрил суд над Промпартией. Или его участие в апологетике насильственной коллективизации.

— Так и сказано: «участие в апологетике? Боже праведный! А откуда он взял, что коллективизация была насильственной? Черныченко просветил или Селюнин?»

Однако упомянутые выше авторы отнюдь не были в нынешнее времена зачинателями горьководства. Первым-то с саблей наголо выскочил, разумеется, Александр Солженицын, кто же еще! Именно он в новейшую пору оказался закоперщиком той помертвой травмы, что потом обрушилась не только на Горького, но и на Маяковского, Н. Островского, Шолохова...

В. Лакшин пишет, что в советской литературе Солженицын «ни одной вещи не восхитился, ни об одном писателе, кроме себя, не сказал с подлинным сочувствием». Какое там восхищение, какое сочувствие! Он поносит чуть не всю нашу литературу, и не только советскую. Едва ли не ко всем русским писателям у него претензии, придирки, подозрения. Начиная аж с Пушкина, который в «Цыганах», извольте знать, «нахвалял блатное начало». Помните слова старого цыгана: «Мы дики, нет у нас законов...» А

Лев Толстой, оказывается, вовсе и не боролся за политическую свободу, вполне довольствуясь тем, что будто бы имел ее для себя лично. Да к тому же нередко «зубоскалил» по поводу серьезнейших вещей. Досталось и Достоевскому, и Короленко...

Что касается Горького, то долгие годы, даже будучи уже вполне зрелым человеком, Солженицын считал его величайшим писателем мира. До того благоговел, что когда жена привезла на фронт, то он под бомбами и снарядами, заглушая грохот боя, читал ей в траншее «Жизнь Матвея Кожемякина». Но вот — прозрел! И уж тут иросто не находил слов для нежности. Например, почему Горький в 1928 году вернулся в СССР? Казалось бы, дело самое естественное и простое: стосковался человек по родной земле, по русской речи, по близким людям, хотел принять участие в грандиозном строительстве, что тогда разворачивалось. Ничего подобного, уверяет Солженицын, он сделал это из самых низменных побуждений, ради денег и славы.

В. Ходасевич свидетельствует о Горьком: «В известности не мог с ним сравниться ни один из русских писателей, которых мне приходилось встречать. Он получал огромное количество писем на всех языках. (Это эпистолярное наследие 20 тысяч писем. — В. Б.). Где бы он ни появлялся, к нему обращались незнакомцы, выпрашивая автографы. Интервьюеры его осаждали. Газетные корреспонденты снимали комнаты в гостиницах, где он останавливался, и жили по два-три дня, чтобы только увидеть его в саду или за табльдотом».

А вот как обстоит с деньгами и отношением к ним: «Слава приносила ему много денег, он

зарабатывал около десяти тысяч долларов в год (речь идет о заработках в двадцатых годах только за границей. — В. Б.), из которых на себя тратил ничтожную часть. В пище, в питье, в одежде был на редкость неприхотлив... Но круг людей, бывших у него на постоянном иждивении, был очень велик, я думаю, — не меньше человек пятнадцати! Тут были люди различных титулованных эмигрантов, от родственников до таких, которых он никогда не видел. Целые семьи жили на его счет гораздо привольнее, чем жил он сам... Отказа не получал никто. Горький раздавал деньги, не соображаясь с действительной нуждой просителя и не заботясь о том, на что они пойдут»... О таком отношении писателя к деньгам пишут и другие авторы. Вероятно, у Солженицына гонорары по нынешним временам больше. Так, может, назовем хоть одного иждивенца, живущего на его счет в роскошном и обширном вермонтском поместье? Кроме С. Говорухина, конечно...

Как только Ф. Бурлацкий словно по указанию Солженицына убрал портрет Горького с первой полосы «Литературки», так тотчас по пятам великого демократа кинулся писатель и редактор журнала К. и тоже смахнул портрет с титульного листа своего журнала. Правда, некоторое время там оставались слова «Основан А. М. Горьким в 1933 году», но вскоре выбросили и их — так ненавистно всякое напоминание даже об отдаленной связи! И это происходит при полном молчании секретариата Союза писателей России, чьим органом является журнал, и всех двадцати двух членов редколлегии, иные из которых — лауреаты Горьков-

ской премии. Так с кем же вы, мастера культуры, — с Максимом Горьким или с Бурлацким, Колодным и Костиловым?

А чем теперь занимается лауреат горьковского конкурса 1948 года Владимир Солоухин? Представьте себе, крушит Н. Островского и его роман «Как закалялась сталь», вставший ему вдруг поперек горла. Довод у него всего один, как и у В. Астафьева: «Павел Корчагин, образец человеческого и коммунистического поведения для многих последующих поколений, насыпал священнику, школьному учителю закона Божьего, в пасхальное тесто махорки. И это преподносилось нам как доблесть. То есть мелкая пакость преподносилась как доблесть».

Неужели Солоухину в школе говорили: «Вова, съешь махорку в тесто попом!» Кроме того, ведь нашкодил-то не «Павел Корчагин», не «образец для поколений», а Пашка — школьник младшего класса.

О Павке же Корчагине, не смотря на махорку, когда-то были сказаны такие слова: «Один из лучших людей на земле... Без Корчагиных ничего нельзя сделать на земле действительно серьезного и существенного». Так писал Андрей Платонов, когда ему было уже под сорок, после всех написанных по молодости «Котлованов» и «Чевенгуров», которые ныне пытаются представить нам вершиной его творчества.

Пора, однако, ответить на вопрос: за что же так люто ненавидят конструкторы и прихлебатели нынешнего строя Горького и Маяковского, Островского и Шолохова, за что, как родных, чтим и любим их мы? Да конечно же, за веру в человека, в социализм, в зарю на небосклоне истории. За то, что они, и прежде всего Максим Горький, — ярчайшее доказательство глубинной талантливости и духовной мощи русского народа. Пожалуй, за это доказательство мы сильнее всего и любим его, они — отчаяннее всего ненавидят.

И тут мне был голос. Самого Горького: «Ложь — религия рабов и хозяев. Правда — Бог свободного человека!»

Владимир БУШИН.